

УДК 008+398
ББК 63.5+82.3(2Рос=Рус)

Синчук Светлана Дмитриевна,
кандидат педагогических наук, доцент,
ГБОУ ВПО «Ставропольский государственный
педагогический институт», филиал в г. Железноводске,
Просп. Свободы, д. 40, 357430 г. Железноводск,
пос. Иноземцево, Российская Федерация
E-mail: svetlana.sinchuk@yandex.ru

ОБРАЗ «ПТИЦА-ДЕРЕВО» В СЛАВЯНСКОЙ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЕ

Аннотация: В статье на материале славянской народной культуры рассматривается вопрос о сравнениях образа птицы и образа дерева, когда-то бытовавших у древних славян. Анализ таких сравнений проводится при учёте особенностей языческого мировоззрения. Следы архаических сближений «растительного» и «птичьего» кода сохранились в русских народных говорах, загадках, народных поверьях, нашли своё отражение в мифологии. На основании приведённого здесь материала становится понятным и фантастический образ «птица-дерево», запечатлённый в славянском искусстве (на вышивках, в росписи и в резьбе по дереву). Всё это свидетельствует о том, что в древнеславянском мировоззрении были допустимы сопоставления образа птицы и образа дерева.

Ключевые слова: птица, дерево, образ, загадки, архаическое мышление, народные говоры.

В народной вышивке часто встречаются своеобразные узоры растительно-орнитоморфного характера, где птичьи крылья состоят из ветвей, и, таким образом, птицы буквально сливаются с растениями. Вышитая птица-дерево «как бы “прорастает” — от нее отходят в разные стороны веточки», и её хохолок, а особенно хвост превращаются в куст» [7, с. 67]. В иных же случаях такие вышитые птицы просто «изображаются с деревьями или растением на спине» [7, с. 60]. Подобные мотивы нередко наблюдаются и в русской народной росписи, и в резьбе по дереву.

Фантастический образ «птица-дерево» мог сложиться в славянской культуре на основе особенностей архаического миропонимания. Как известно, первобытное мышление было конкретным, нерасчленённым и образным [13, с. 23]. Именно «нерасчлененность мышления порождает такие явления, как тождество разнородных предметов» [13, с. 25], которое складывалось преимущественно на основе сопоставлений их зрительных образов.

Кроме того, здесь ещё необходимо принять во внимание и то, что люди в древности «вряд ли могли и умели резко отличать <...> растущие деревья от двигающихся животных; те и другие считались одинаково живыми» [5, с. 163]. А потому сближение «растительного» и «птичьего» кода, малопонятное с современной точки зрения, всё же может быть объяснимо в свете этих особенностей мифологического мировоззрения. Если учитывать всё это, то данный подход может дать ключ к пониманию многих явлений, сформировавшихся в языческой культуре, в частности, к пониманию архаического сравнения образа дерева с образом птицы.

О том, что в архаических представлениях образ птицы соотносился с образом дерева, свидетельствуют прежде всего языковые данные. Ещё А. Н. Афанасьев обратил внимание на то, что народная фантазия сближает листья с перьями, и привёл по этому поводу целый ряд слов из различных европейских языков, в равной степени означающих *лист*, *перо* и *крыло*, «ибо листья так же одевают, или покрывают дерево, как перья птицу. <...> Перо во многих славянских наречиях соединяет в себе двоякий смысл: <...> *перо*» и *лист* [1, с. 367]. Комментируя это наблюдение у Афанасьева, А. Ф. Журавлёв дополняет его множеством других соответствующих примеров из европейских и славянских языков [4, с. 527–528].

И действительно, листва своей структурой и множественностью визуально напоминает птичье оперение. Поэтому в загадке о петухе, где говорится: «*Из семидесяти листов¹ / Подается ясный голосок / В темный лесок / И в высокий теремок*» [6, с. 113], — оперение петуха представлено листвой. О том, что птичье перо и лист дерева в архаических представлениях могли быть взаимозаменяемыми, свидетельствует и русская загадка: «*Летел Пан, на воду пал, / Сам не тонет, воды не мутит*», — ответами к которой в равной степени могут быть как «перо», так и «лист» [8, с. 393]. А порой слова *перо* и *лист* выступают в едином выражении — *перистый лист*, что означает лист, состоящий «как бы из мелких листочков, присаженных к одному стеблю» [3, т. 3, с. 102]. Слово *лист* и в наше время в народной речи иногда употребляется в значении ‘перо птицы’: «На улице машина задавила петуха, из него *листьяв-то* летело» [11, т. 17, с. 63].

Соответственно, ветки деревьев и кустов, покрытые листвой, ассоциировались с птичьими крыльями, покрытыми перьями. Поэтому в загадке о шиповнике, где говорится: «*Стоит древо древанское; / На нем платье шамаханское, / Когти дьявольские, / Крылья ангельские*» [9, с. 36] — под «крыльями», несомненно, подразумеваются ветки шиповника.

Порой сами ветки, являвшиеся метонимической заменой дерева, могли представляться в образе птицы. Видимо, поэтому для обряда «похороны кукушки» ритуальное чучело «кукушки» обычно было принято делать из веток черемухи, рябины или ивы; например, на Брянщине «девушки украшали цветущую ветку черемухи лентами и цветами, называя ее *кукушкой*» [2, с. 366]. Это, возможно, тоже является свидетельством того, что дерево (или ветки дерева) и птица некогда могли представляться сопоставимыми.

¹ Здесь и далее выделено мною. — С. С.

В свою очередь, ствол дерева с расходящимися от него корневыми отростками имеет визуальное сходство с огромной куриной лапой. Очевидно, поэтому в некоторых русских говорах сосну или ель с толстым длинным корнем, идущим от ствола под прямым углом, называют *куричина* [11, т. 16, с. 130], а срубленное дерево с изогнутой частью корня — *курица*: «деревина с кокорой — *курица*» [11, т. 16, с. 128]. Такое же бревно с загибом, вырубленное из дерева с корнем, порой называлось просто — *лапа*; а порой так называли только корень пня: «Зачалишь за *лапу*-то и поднимешь пень» [11, т. 16, с. 258]. Соответственно, бревно с частью корней, отходящих от него (которое можно поставить стоймя), иногда называлось *лапка*, а хвойное дерево, вырубленное с корнем, либо только лишь один корень хвойного дерева — *лапка сосновая* [11, т. 16, с. 263].

Порой такое бревно с утолщением в корневой части имело название *кряква* [11, т. 15, с. 366], и вместе с тем *кряква* — это ещё и название птицы семейства утиных. Показательно, что именно такую *крякву*-птицу часто вырезали из корневой части *кряквы*-бревна, предназначавшегося для использования его либо в качестве охлупня, венчающего крышу избы², либо в качестве стропил (называемых *курицами*), которые устанавливали на крыше для поддержки водотечника.

Подтверждения тому, что в архаическом сознании образ дерева соотносился с образом птицы, можно встретить и в загадках о различных деревьях и кустах, которые представлены в виде птиц. Например, калина показана в образе петуха: «Стоит *петух* над водой с красной бородой. / Кто ни идет — за бороду возьмет» [8, с. 398], «Стоиць *певень* над водою, з чырвоною бородою»³ [10, с. 203]. В загадке о черемухе «Стоит *курица* вся в пуговицах» [8, с. 397] куст черемухи представлен в образе курицы. Есть также обратная загадка с ответом «яйцо под курицей»: «Под *дубком-дубком*, под *карандышком* — ни клубком, ни камешком» [3, т. 1, с. 498]. Здесь яйцо, своим видом напоминающее клубок или камешек, лежит под курицей, которая в загадке представлена как «*дубок карандышек*», т. е. малорослый дубок.

Любопытной в этом ряду представляется загадка с ответом «лутошка»: «В избу — *вороном*, / А из избы — *лебедем*» (вар. — *голубем*) [6, с. 167]. Здесь в образе птицы предстаёт *лутошка*, *лутоха* — «липка, с которой снята кора, лыко; она сохнет и вся чернеет» [3, т. 2, с. 274], и поэтому, имея такую «вороную» окраску, она показана в загадке птицей вороном. Однако «превращение» *липы-птицы* из *ворона* в *лебедя* тоже может иметь своё объяснение. Как известно, из липовой древесины, как из наиболее мягкой и податливой, часто вырезались многие вещи [14, с. 45] в том числе и деревянные «павы»: фигурки, изображающие птицу-счастье (лебедя или голубя), различной формы. Например, щепные птицы с раздвижными хвостами и крыльями, состоящие из лучинок, которые подвешивались в избе к потолку над иконами [14, с. 26]. Их можно было делать и из лутошки, стесав с неё верхний почерневший слой. Нередко таких птиц изготавливали во множестве

² Такие изображения, вырезанные на охлупнях крыш славянских изб, в большинстве случаев имели сходство с птицами семейства утиных.

³ Белорусская загадка.

для продажи. Видимо, это обстоятельство и имеется в виду, когда в загадке говорится: «из избы — лебедем», или «голубем».

Из дерева также вырезали предметы домашнего обихода, порой даже и внешне напоминавшие птиц: ковши, черпаки, чарки, чаши, братины. Поэтому в загадках, где говорится о подобной посуде, то, что она показана в «птичьем» образе, выглядит совершенно оправданно. Например, в загадке о ковше: «*Утка в море, / Хвост на заборе*», и в других аналогичных ей вариантах, в которых деревянный ковш представлен уткой [6, с. 48] либо гусем: «*Гусек купается, из рук не вырывается, / Часто на берег глядит*» [8, с. 441]. Здесь ковш, которому нередко придавалась форма птицы, вполне узнаваем. Связь ковша с водой определила его образное сходство именно с водоплавающими птицами — уткой, гусем, лебедем, вследствие чего порой такой ковшик в некоторых народных говорах назывался *гусак* [11, т. 7, с. 240], или *лебедок* [11, т. 16, с. 302]. Они обычно вырезались из той наиболее утолщённой корневой части дерева, которая имела название *кряква*.

Нижняя часть дерева вместе с корневым отростком обычно «составляет основу наиболее распространённого пластического мотива: плавно очерченный крюк, округло вырастающий из прямого ствола и постепенно утончающийся к концу. Изображение птичьей <...> изогнутой шеи возникает, словно само собой, почти непреднамеренно, из этой органичной природной скульптуры» [14, с. 46]. Поэтому и крюкам для вешания, которые также вырезали из такой части дерева, часто тоже придавалась форма птицы. Для изготовления такого крюка использовалась всё та же *курица* — деревце с тоненьким стволом, выкопанное с корнем, от которого отсекали все лишние отростки, оставляя лишь один. Из него вырезалась голова, шея и грудь птицы (аналогично охлупням, или курицам-стропилам, украшавшим крыши деревянных изб), а другой конец такой *курицы* заострялся и втыкался в стену. Поэтому не случайно такой крюк для вешания порой так и назывался — *курица*, а в загадках он тоже иногда предстаёт в птичьем образе: «*Курочка Софья / Три года сохла, / Ни пила, не ела, / В потолок глядела*» [6, с. 30].

Однако предметы домашней посуды и утвари, выполненные из дерева, в народных загадках предстают в виде птиц даже тогда, когда они по своей форме совершенно далеки от «птичьих» образов. Например, в загадке с ответом «уполовник»: «*Сорока под пыл летала*» [6, с. 44]. Также в загадке о вёдрах и коромысле: «*Две галочки / Сидят на одной палочке*» [6, с. 50], «*На прорубке / Две голубки, / Третий ёрк*» [6, с. 51], либо в белорусской загадке: «*Ляціць дзьве гускі, а з іх капаець*» [10, с. 223], и в загадке с ответом «ведро и почопка⁴»: «*Вутка ў мори, / Хвост ў гори*» [15, с. 487], вёдра представляются то галочками, то голубками, то гусынями, то утками. Сравнение деревянных вёдер с птицами в загадках подобного рода выглядит странным, если не принимать во внимание архаическую сопоставимость образа дерева, из которого они были сделаны, с образом птицы.

⁴ *Почопка* — 'перевязь, дужка у ведра' [15, с. 488].

Кочерга, которой помешивали угли в печи (а изначально это была просто деревянная клюка⁵, сделанная из той же *курицы*), в загадках тоже часто бывает представлена в птичьем образе: «Черная *гагара* по полю скакала, золото собирала» [10, с. 59], или: «Черный *ворон* золото клюет» [10, с. 59]. В загадке с ответом «кочерга и угли» — «Бежала *галица* по красной улице, считала *галица* золотые яйца» [10, с. 319], кочерга загадывается птицей галкой — «галицей».

Существует и целый ряд загадок о чашке с ложками: «Коло лунички / А ўсё *вуточки*» [15, с. 494], «Полно корыто / *Голубок* нарыто; / *Голубки* клевали, / Носки замарали, / Людей напитаи», «Цело корыто / *Лебедей* намыто», и другие многочисленные аналогичные варианты [все — 6, с. 52]. Здесь деревянные ложки тоже неизменно загадываются птицами, хотя ни визуально, ни в каком-либо другом отношении они, казалось бы, вовсе не напоминают птиц.

Кроме домашней утвари и посуды, птицами также могут представляться и другие предметы, выполненные из дерева. Например, сани и телега: «*Летели две утки*, сели под закутки; одна говорит: “Зиму зимовать”; другая говорит: “Лето летовать”» [10, с. 150]. Во многих других аналогичных загадках деревянные сани и телега неизменно представлены то просто птицами, то галками, воронами, павами, лебедями, пичужками и т.п. [6, с. 116–117]. Даже деревянные полозья саней в загадке предстают как птицы: «*Два ворона летят*, оба в небо глядят» [8, с. 457]. Такие сравнения, казалось бы, основываются на способности саней и телеги быстро передвигаться — «лететь», как птица, а их полозья по своей форме могли некоторым образом напоминать птиц. Однако если обобщить все приведённые здесь примеры, следовало бы обратить внимание на то, что разнообразные бытовые вещи, предстающие в загадках в образе птиц, совершенно различны между собою. Поэтому признаки, на основе которых, казалось бы, могли строиться такие постоянные сравнения их с птицами, не являются общими для всех загадываемых предметов. Общее сходство загадываемых предметов между собою состоит исключительно в том, что все они выполнены из дерева-птицы.

В этом отношении показательна загадка с ответом «труба (пастухова)» — «Ходить коло лесу / Пяеть куролесу: / Ни *петух*, ни *курица* / — Деревянный нос» [15, с. 498]. Здесь деревянная пастушья дудка или свирель своей формой даже отдалённо не напоминает птицу. Однако именно петух и курица здесь упоминаются как отрицаемые варианты вероятного «неправильного» ответа по причине их предполагаемого «сходства» с загадываемым предметом. Такое сравнение «пастуховой трубы» с петухом можно было бы ещё объяснить тем, что петух тоже «пяеть куролесу». Но курица-то, как известно, не поёт. Значит, сходство загадываемого предмета с ними здесь состоит исключительно в том, что дерево, из ветки которого выполнена «пастухова труба», мыслилось как *дерево-птица*.

⁵ *Клюка* — ‘кочерга’: «Которы зовут кочергои, а мы, старинны люди, так клюкою звали» [11, т. 13, с. 319].

В этом же ряду находится и загадка с ответом «грядки и голбец»: «*Два ворона летят, / Одну голову едят*» [6, с. 20]. Такое сравнение грядок⁶ с летящими воронами, казалось бы, построено на их цветовом сходстве, поскольку, если они расположены в избе, отапливаемой «по-чёрному», они обычно бывают покрыты копотью, а потому имеют чёрную, «вороную» окраску. В пользу этого могло бы свидетельствовать и то, что такие грядки имеют и другое название — *воронцы* [3, т. 1, с. 403]. Однако в другом варианте загадки с этим же ответом — «*Две совы одну голову едят*» [6, с. 20] — такие грядки-воронцы изображены уже птицами совами, с которыми загадываемый предмет не имеет ни малейшего визуального сходства. Здесь обращает на себя внимание то, что в обеих приведённых загадках деревянные грядки-воронцы неизменно предстают в образе птиц.

На первый взгляд, загадки такого рода выглядят странными и нелогичными, но всё-таки в них есть своя логика. Известно, что, согласно архаическим представлениям, «душа дерева продолжает жить в бревне постройки и в любой вещи», выполненной из этого дерева [14, с. 12]. Если при этом учесть, что дерево могло представляться как дерево-птица, то «птичьи» образы, которые присутствуют в загадках о предметах, выполненных из дерева, уже становятся более понятными. На материале приведённых загадок видно, что в древности дерево соотносилось с образом птицы не только тогда, когда оно ещё было «живым» и визуально могло напоминать птицу, но и тогда, когда его уже «умертвили» и его древесина пошла на изготовление каких-то бытовых вещей, часто даже не имеющих «птичьих» признаков. Однако, выполненные из *дерева-птицы*, они продолжали таковыми представляться. Возможно, именно поэтому они являлись носителями «птичьей» семантики, а порой им придавались «птичьи» формы. Все эти «птичьи» образы, которыми в народной культуре наделялись выполненные из дерева вещи, казалось бы, утилитарные, а потому с птицами совершенно никак не связанные, строятся на архаических образных сближениях «растительного» и «птичьего» кода.

Следы таких архаических образных сближений дерева и птицы можно обнаружить и на других примерах из народной культуры. В частности, они сохранились в детской игре в *чижика*, носящей и другое название — «игра в *кулики*»; деревянная палочка, которую используют в этой игре, соревнуясь, кто её дальше забросит, так и называется — *кулик* [11, т. 16, с. 66]. Выигрывает в этой игре тот, чей *кулик* *улетит* дальше других. Показательно, что, кроме наименований *кулик* и *чижик*, эта заострённая с двух концов палочка, используемая в такой детской игре, имела ещё и другое название — *курка* [11, т. 16, с. 130]. Как видим, в любом случае ей давали «птичье» имя. Любопытно, что другая детская игра, «наподобие игры в чижика», называлась *петушок* [11, т. 26, с. 335].

Древнерусские поверья тоже свидетельствуют о том, что образ дерева и образ птицы представлялись взаимозаменяемыми. Например, существовало убеждение, что «тот, кто опасается, не срубил ли он священного дерева, должен на его пне

⁶ *Грядки* — два бруса, расположенные в избе под прямым углом друг к другу от печи до стен, один из которых служит опорой для полатей и отделяет место у печи от остальной части избы, а другой — полкой [11, т. 7, с. 184].

отсечь голову живой курице той же самой секирой, которой было свалено дерево: обряд этот, указывающий на древнюю умиловительную жертву, спасает от грядущей беды» [1, с. 310]. Аналогичное поверье на случай, если кто-нибудь срубит «буйное» дерево, бытовало и у сербов [5, с. 178]. Такой же обычай жертвоприношения домашней птицы во время рубки деревьев существовал не только в славянской традиции, но и во многих других архаических культурах [12, с. 124]. Как видно из этого, обряды «умерщвления» дерева и жертвоприношения курицы, производившиеся с использованием одной и той же секиры, представлялись взаимозаменяемыми.

Признаки того, что в архаических представлениях образ дерева и образ птицы были взаимозаменяемыми, можно наблюдать и в мифологии. Известно, например, что в древнегреческой и древнеримской мифологии символом бога неба и грозы (Зевса и Юпитера) были орёл и дуб. Символами балтийского бога-громовержца Перкунаса были дуб и ясень, а также птицы голубь и кукушка. У древних славян культ бога неба и грозы Перуна тоже был связан со священным дубом. А поскольку культ Перуна имеет много общих черт с аналогичными культурами бога грозы в индоевропейских мифах, то можно предположить, что и славянский бог неба и грозы когда-то тоже мог представляться, как и они, в орнитоморфном виде. Это свидетельствует о том, что языческие божества такого рода сначала мыслились дендроморфными, а позднее орнитоморфными. Такая замена могла произойти по причине сопоставимости (или даже взаимозаменяемости) образа дерева и образа птицы, существовавшей в архаических культурах.

В свете сказанного становится понятен архаический образ «птица-дерево», запечатленный в декоративно-прикладном искусстве (на вышивках, в росписи и резьбе по дереву). Следы архаических сближений «растительного» и «птичьего» кода, сохранившиеся в русских народных говорах, загадках, народных поверьях, свидетельствуют о том, что древним славянам были свойственны образные сопоставления птицы и дерева.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Афанасьев А. Н.* Мифы, поверья и суеверия славян. М.: Изд-во Эксмо; СПб.: Terra Fantastica, 2002. Т. 2. 768 с.
- 2 *Виноградова Л. Н., Усачева В. В.* Ветка // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. М.: Международные отношения, 1995. Т. 1. С. 363–366.
- 3 *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Русский язык, 1998. Т. 1–4.
- 4 *Журавлев А. Ф.* Язык и миф. Лингвистический комментарий к труду А. Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу». М.: Индрик, 2005. 1004 с.
- 5 *Зеленин Д. К.* Тотемы-деревья в сказаниях и обрядах европейских народов // *Зеленин Д. К.* Избранные труды: Статьи по духовной культуре 1934–1954. М.: Индрик, 2004. С. 145–206.
- 6 Загадки русского народа. Сборник загадок, вопросов, притч и задач / сост. Д. Садовников. СПб.: Тип. Н. А. Лебедева, 1876. 333 с.
- 7 *Маслова Г. С.* Орнамент русской народной вышивки как историко-этнографический источник. М.: Наука, 1978. 206 с.

- 8 Пословицы. Поговорки. Загадки / сост. А. Н. Мартынова, В. В. Митрофанова. М.: Современник, 1986. 512 с.
- 9 Русские народные загадки, пословицы, поговорки / сост. Ю. Г. Круглов. М.: Просвещение, 1990. 335 с.
- 10 Рыбникова М. А. Загадки. М.; Л.: Академия, 1932. 488 с.
- 11 Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин (т. 1–23), Ф. П. Сороколетов (т. 24–46). М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2013. Т. 1–46.
- 12 Фрезер Дж. Дж. Золотая ветвь: исследование магии и религии. М.: «Изд-во АСТ», 1998. 784 с.
- 13 Фрейдберг О. М. Миф и литература древности. М.: Издат. фирма «Восточная литература» РАН, 1998. 800 с.
- 14 Чекалов А. К. Народная деревянная скульптура Русского Севера. М.: Искусство, 1974. 191 с.
- 15 Шейн П. В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. СПб.: Тип. Императорской Академии Наук, 1893. Т. II. 535 с.

* * *

Sinchuk Svetlana Dmitrievna,
PhD in Pedagogics,
Associate Professor,
FSBI HPE «Stavropol State Pedagogical Institute»
Zheleznovodsk branch,
Freedom ave., d. 40, 357430 Zheleznovodsk, pos.
Inozemtsevo, Russian Federation
 E-mail: svetlana.sinchuk@yandex.ru

THE IMAGE OF «BIRD-TREE» IN THE SLAVIC FOLK CULTURE

Abstract: The article addresses the issue of the analogy between the image of a bird and the image of a tree, which existed among the ancient Slavs. The issue is studied with the use of the Slavic folk culture material. Analysis of these comparisons are made taking into account the features of the pagan worldview. Traces of archaic analogies between a «plant» and a «bird's» code are preserved in the Russian national dialects, in the riddles, in folk beliefs and also are reflected in mythology. It helps us to understand better a fantastic image of a «bird-tree», embodied in the Slavic art (on embroidery, in the paintings and in the wood carving). All this, according to the author, indicates that the comparisons of the image of a bird and the image of a tree were permissible in ancient Slavic worldview.

Keywords: bird, tree, image, riddles, archaic thinking, folk dialects.

REFERENCES

- 1 Afanas'ev A. N. *Mify, pover'ia i suever'ia slavian* [Myths, superstitions and beliefs of the Slavs]. Moscow, Eksmo; St. Petersburg, Terra Fantastica Publ., 2002. Vol. 2. 768 p.

- 2 Vinogradova L. N., Usacheva V. V. Vetka [Tree branch]. *Slavianskie drevnosti. Etnolingvističeskii slovar'* [Slavic Antiquities. Ethnolinguistic dictionary]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 1995, vol. 1, pp. 363–366.
- 3 Dal' V. I. *Tolkovyj slovar' živogo velikoruskogo jazyka* [Explanatory Dictionary of Russian language]. Moscow, Russkij jazyk Publ., 1998. Vol. 1–4.
- 4 Zhuravlev A. F. *Jazyk i mif. Lingvističeskij kommentarij k trudu A. N. Afanas'eva «Pojetičeskie vozzrenija slavjan na prirodu»* [The Language and the Myth. Linguistic comment on the work by A. N. Afanasyev «Poetic views on the nature of the Slavs»]. Moscow, Indrik Publ., 2005. 1004 p.
- 5 Zelenin D. K. Totemy-derev'ja v skazanijah i obrjadah evropejskih narodov [Totems-trees in the legends and rites of the European peoples]. Zelenin D. K. *Izbrannye trudy: Stat'i po duhovnoj kul'ture 1934–1954* [Selected Works: Articles on spiritual culture of 1934–1954]. Moscow, Indrik Publ., 2004, pp. 145–206.
- 6 *Zagadki russkogo naroda. Sbornik zagadok, voprosov, pritch i zadach* [Riddles of the Russian people. Collection of riddles, problems, parables and objectives], compiler D. Sadovnikov. St. Petersburg, Tipografija N. A. Lebedeva Publ., 1876. 333 p.
- 7 Maslova G. S. *Ornament russkoj narodnoj vyshivki kak istoriko-jetnografičeskij istočnik* [Ornamental pattern of Russian folk embroidery as a historical and ethnographic source]. Moscow, Nauka Publ., 1978. 206 p.
- 8 *Poslovicy. Pogovorki. Zagadki* [Proverbs. Sayings. Riddles], ed.-compiler A. N. Martynova, V. V. Mitrofanova. Moscow, Sovremennik Publ., 1986. 512 p.
- 9 *Russkie narodnye zagadki, poslovicy, pogovorki* [Russian folk riddles, proverbs, sayings], compiler Ju. G. Kruglov. Moscow, Prosveshenie Publ., 1990. 335 p.
- 10 Rybnikova M. A. *Zagadki* [Riddles]. Moscow, Leningrad, Akademija Publ., 1932. 488 p.
- 11 *Slovar' russkih narodnyh govorov* [The Dictionary of Russian folk dialects], chief ed. F. P. Filin (vol. 1–23), F. P. Sorokoletov (vol. 24–46). Moscow; Leningrad; St. Petersburg, Nauka Publ., 1965–2013, Vol. 1–46.
- 12 Frazer J.G. *Zolotaja vetv': issledovanie magii i religii* [The Golden Bough: A study in magic and religion]. Moscow, AST Publ., 1998. 784 p.
- 13 Fredenberg O. M. *Mif i literatura drevnosti* [The myth and literature of antiquity]. Moscow, Izdatel'skaja firma «Vostočnaja literatura» RAN Publ., 1998. 800 p.
- 14 Chekalov A. K. *Narodnaja derevjannaja skul'ptura Russkogo Severa* [Folk wooden sculpture of the Russian North]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1974. 191 p.
- 15 Shein P. V. *Materialy dlja izučenija byta i jazyka russkogo naselenija Severo-Zapadnogo kraja* [Materials for the study of the language and the way of life of the Russian population in the Northwest Territory]. St. Petersburg, Tipografija Imperatorskoj Akademii Nauk Publ., 1893. Vol. II. 535 p.